

Те, чьи смешки звучат и кашель,
Ревнивей были бы меня,
Коль видели б день изо дня
Созданье, сладостное столь.

1190

Ни император, ни король
Женой меня прельстить не может.
Хоть я клянусь свою, не множит
Она тех мук, что есть уже.
Но умный – будь настороже,
Беде напасть врасплох не дай.
Что как нагрянет негодяй,
В любовном раже куры строя,
Не зная, что любовь такое,
И дурь ей в голову втемяшит?

1200

Пусть, что неправ я, каждый скажет,
Но все ж опять не промолчу:
Жить ни за что так не хочу!
Да и страшна ль бесчестьем речь?
Блажь – ей служить, ее стеречь,
Не стоит моего труда.
Кто хочет пусть идет сюда,
Но моего расположенья
Пускай не ждет, ей разрешенья,
Клянусь, не дам на разговор

1210

Ни с кем, кто б ни был визитер:
Граф ли отец, сестра ли, мать,
Жослин ли брат – им не видать
Ее!» Когда ж он друга бросит,
Ибо укоров не выносит,
То сам себе под нос бубнит:
«Вот, он за то меня бранит,
За что звучать бы похвале;
Не знает толка он в хуле;
Он ищет славы краснобая,

1220

Меня ревнивцем называя.
Но хоть слова его и тонки,
За мудрость этой побасенки
Я глупость не отдам свою.
В Болонье⁷⁸, иль в другом краю

⁷⁸ Болонская школа «свободных искусств», в которой в дополнение к курсу риторики преподавалось римское право, была знаменита уже в X – XI вв. К концу XII в. в Болонье был основан университет с ярко выраженным юридическим профилем: искусные болонские юристы пользовались большой известностью в средневековой Европе.